

А.М. НИКУЛИН

Аграрное наследие Т.И. Заславской и современность

Автор рассматривает научные труды академика РАН Т. Заславской в области аграрной экономики, ее социологические исследования села, сочетающие теоретико-методологические модели и регионально-эмпирические данные.

Ключевые слова: село, город, миграция, аграрно-промышленный комплекс, человеческий фактор, социальная экономика.

The author considers the scientific works of academician T. Zaslavskaya in the field of agricultural economy, her sociological research of the village, which combine theoretical and methodological models and regional-empirical data.

Keywords: village, town, migration, agrarian and industrial complex, the human factor, the social economy.

Хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на серьезное преобразование российской экономики в результате реформ, анализ экономической обоснованности отношений сельской (аграрной) части общества с государством не потерял своей актуальности. Проблема остается по-прежнему острой, поскольку городская часть нашего общества продолжает эксплуатировать его сельскую часть.

Т. Заславская

Татьяна Ивановна Заславская по праву считается ведущим советским и российским аграрником, социологом-экономистом XX в. Ее перу принадлежат фундаментальные исследования по проблемам доходов сельского населения, сельско-городского развития, миграции, системного изучения деревни, сельской регионалистики, взаимодействия экономических и социальных факторов в сельской жизни. Безусловно, многие из этих работ остаются актуальными и в наше время.

Становление Заславской как ученого пришлось на труднейшее для советского обществоведения время начала 1950-х гг., когда в условиях цензурно-репрессивного гнета позднего сталинизма научный сотрудник Института экономики РАН Заславская в поисках достоверного аграрного знания под руководством своих старших коллег-учителей – замечательных советских аграрников Г. Котова и В. Венжера – исследовала

Никulin Александр Михайлович – кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

экономику колхозов в различных регионах СССР от подмосковного Нечерноземья до Кубани и Киргизии.

К концу 1950-х гг. Заславская становится вполне самостоятельным ученым-аграрником, опубликовав к этому времени монографию и защитив кандидатскую диссертацию, посвященные вопросам оплаты труда в колхозах. Именно Заславской и ее младшей коллеге М. Сидоровой на рубеже 1950 – начала 1960-х гг. было поручено провести сравнительное исследование производительности сельскохозяйственного труда в СССР и США. Эта работа была выполнена ими в срок и качественно, но ее результаты вызвали неудовольствие руководства, ибо свидетельствовали об аграрном отставании СССР от Америки.

В середине 1960-х гг. Заславская по аграрной проблематике и по приглашению А. Аганбегяна из Москвы переезжает в Новосибирский академгородок, где вскоре под ее руководством проводятся аграрно-социологические исследования, до сих пор остающиеся образцами аграрной науки, удачно сочетающие в себе теоретико-методологические модели и регионально-эмпирические данные (см. [Кузнецова, 2013]). Почти на протяжении четверти века новосибирские социологи школы Заславской до самого ее возвращения в Москву в конце 1980-х гг. во многом определяли ключевые направления исследований в этой сфере.

Сама Заславская с присущим ей глубоким системным самоанализом в своих поздних трудах, а также в автобиографических работах, неоднократно подчеркивала, что в ее исследованиях советского села можно обнаружить некоторую внутреннюю логику восхождения от частных к общим проблемам сельского развития [Заславская, 2007, с. 179]. Впрочем, и самый первый этап ее исследований (назовем его “московский”, с начала 1950-х до середины 1960-х гг.), завершившийся публикацией фундаментальной монографии “Распределение по труду в колхозах” [Заславская, 1966], продемонстрировал, как через особенности экономического анализа распределения колхозных доходов, реконструкцию их региональной специфики автор выходит на ключевые социальные вопросы взаимоотношения села и города в СССР.

В новосибирский период своей научной деятельности Заславская отмечала, что основными направлениями ее исследований стали такие обширные научные темы, как: миграция сельского населения из сел в города; село как социально-экономическая система; социально-территориальная структура села; экономическое поведение работников аграрно-промышленного комплекса АПК; социальный механизм развития АПК [Заславская, 1987]. Таким образом, Заславская и ее коллеги подошли к исследованиям человеческого фактора не только в сельской, но и во всей советской экономике. Аналитически реконструируя хронику важнейших этапов сельских исследований руководителя новосибирской школы на фоне развития советской аграрной экономики, попробуем осмыслить значение аграрных работ Заславской и для современной России.

Социальная экономика колхозного сектора

Монография “Распределение по труду в колхозах” вызвала широкий интерес у ученых и практиков советской аграрной экономики. Сама Заславская отмечала, что именно этой книге она обязана получением не только докторской степени, но и звания члена-корреспондента АН СССР. В монографии была успешно применена оригинальная методика, устранявшая влияние заниженных государственных цен на аграрную продукцию, определявшая общую сумму валового дохода, создаваемого советскими колхозниками, распределение этого дохода между государством и колхозами, между колхозной оплатой труда и колхозными накоплениями. Детальные статистические исчисления за несколько последних лет хрущевской эпохи были осуществлены по всем областям и краям Советского Союза с аналитическим выделением в них групп слабых, средних и сильных колхозов с соответствующим сопоставлением экономики колхозов и совхозов.

С высоты нашего времени становится очевидным, что в своей монографии Заславская фактически реконструировала принципы экономической эксплуатации колхозного крестьянства советским государством. Так, фактически обходя необходимое в те времена идеологическое утверждение о важности соблюдения принципов социальной справедливости как в отношениях между городом и селом, так и в самой сельской жизни, Заславская специально исследовала вопросы дифференциации советских сельскохозяйственных предприятий, проанализировав достаточно глубоко и основные макроэкономические условия причин сельско-городской дифференциации народного хозяйства СССР. Ее исследование распределения национального дохода, фонда потребления, разницы в оплате труда между сельским хозяйством и другими отраслями советской экономики свидетельствовало о том, что сельское население было самой депривированной частью общества, и перераспределение национального богатства происходило не только не в пользу села, но во многом за его счет.

Расчеты Заславской показали, что из двух основных экономических аграрных форм (колхозов и совхозов), совхозы находились в более выгодном положении. Если в среднем государство забирало из совхоза 20% дохода, то из колхоза – 50%. Число же колхозов составляло две трети от всех форм сельскохозяйственных предприятий, что изначально ставило их в крайне тяжелое положение. Цены на сельскохозяйственную продукцию были столь занижены, что из колхозов, находящихся в 30 км от райцентра, доставка зерна на элеватор становилась просто разорительной.

На “силу” и “слабость” колхозов и совхозов огромное влияние оказывала межрегиональная дифференцированность, которая только в оплате труда достигала максимальной величины (в пять раз). Разница между хозяйствами Кубани и Северного Кавказа, с одной стороны, и Нечерноземья – с другой, бросалась в глаза. И хотя в те времена действовали специальные зональные цены, но их дифференцированность была несопоставима с затратами, которые усугублялись жесткой плановой экономикой, выражавшейся в том, что хозяйства заставляли, например, сеять рис в Краснодарском крае, а кукурузу – на Севере.

Огромное значение имела дифференциация хозяйств и внутри самих регионов, в отдельных случаях она доходила почти до 20 раз. Но это был уже результат деятельности не столько экономических, сколько социальных механизмов. Сильное влияние на данный процесс оказывал фактор расстояний. Пригородные хозяйства относительно процветали, а “глубинка” едва сводила концы с концами. Проблемой было отсутствие дорог между областями из-за обезлюдения соседствующих между собой сельских областей краин. Очень важным фактором, оказавшим огромное влияние на положение хозяйств, оказывалась личность руководителей. Часто под нее формировался особый план, выделялись и иные ресурсы. Вместе с тем внутри отдельного колхоза или совхоза социальная дифференциация была весьма умеренной. По уровню оплаты труда, выделялись механизаторы, затем – доярки и скотники (начиная с середины 1960-х гг. эти группы работников получали доходы, сравнимые с доходами рабочих в промышленности). Остальные же группы сельских тружеников были малооплачиваемы.

Незадолго до смерти Заславская, несмотря на присущую ей скромность настоящего ученого, отмечала, что ее монография 1960-х гг. имеет ценность не только для историков позднехрущевского – раннебрежневского периодов, но и сохраняет свою актуальность в современной России. Она вновь приковывает внимание к политической проблеме взаимоотношений города и деревни, которая, как подчеркивала Заславская, «в современной России не решена, не решается и сколько-нибудь серьезно не ставится. Значительной части сельской России предоставлен нелегкий выбор: либо выживать без какой-либо надежды на помощь, по принципу “спасение утопающих – дело самих утопающих”; либо следовать не менее известному совету: “не трать, куме, силы, та иди на дно”. Многострадальное, но все еще многомиллионное крестьянство, на труде, крови и костях которого осуществлялись индустриализация и урбанизация советского общества, в наше время вновь брошено на произвол судьбы. Умирают или уходят с насиженных мест жители слабозаселенных сельских районов, замирает

жизнь в относительно небольших поселениях, сжимается вся Российская ойкумена, границы которой искони поддерживались и расширялись крестьянами. Параллельно идет и другой процесс: наиболее плодородные, экологически чистые и пригородные земли переходят в руки крупного городского капитала» [Заславская, 2007, с. 22]. В связи с этим Заславская полагала возможным адаптировать отработанную в ее книге методику для применения в условиях постсоветской России научного анализа социально-экономической дифференциации аграрных предприятий и сельских регионов в связи со взаимоотношениями города и деревни, ибо даже несмотря на изменения в конкретных формах статистики общие методологические принципы данного исследования до сих пор не утратили свою научную ценность.

Миграция сельского населения

Начиная со второй половины 1960-х гг. и на протяжении почти полутора десятилетий в Новосибирске под руководством Заславской осуществлялись долговременные социологические исследования сельско-городской миграции. Данное исследование во многом было связано с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. На пленуме было отмечено, что сельское хозяйство во многих районах страны, в особенности в РСФСР, стало испытывать недостаток трудовых ресурсов. Например, в Западной Сибири нехватка сельских кадров составляла от 8–10 до 24–30% (см. [Троцук, 2013]). На глазах рос отток сельских жителей в города. Заславская упоминает, что в Новосибирской области за 1963–1965 гг. чистое убытие сельского населения из-за миграции составило около 7% [Заславская, 1987]. Миграция, безусловно, способствовала и ухудшению качественного состава остающихся в деревне работников. Все тревожнее давал себя знать так называемый отрицательный демографический отбор, при котором на селе в основном оставались апатичные, часто пьющие люди, пожилые и старики.

Выяснение причин и факторов слабо контролируемой сельской миграции, поиск мер по стабилизации численности сельского населения на примере Западной Сибири стало первым шагом в исследовательской работе молодого научного коллектива Заславской. Она отмечала, что: «общая степень изученности миграции населения... была в СССР к этому времени небольшой. Специальных исследований миграции населения между городом и селом тогда почти не было, она изучалась либо в качестве одного из аспектов общего миграционного движения населения, либо попутно с проблемами обеспечения сельского хозяйства рабочей силой. Не было выяснено соотношение миграции населения с другими демографическими и социальными процессами. Информационная база большинства исследований ограничивалась данными государственной статистики и была недостаточной... Социологические методы сбора и анализа информации о миграции населения до середины 60-х годов почти не применялись» [Заславская, 2007, с. 183–184].

Заславская начала работу по сельской миграции с формирования общей социологической концепции миграции населения, с поиска «рациональных моделей» миграции населения из сел в города, далее разрабатывались методология и методика конкретного социолого-статистического изучения сельско-городской миграции (см. [Миграция... 1970]). Первые выводы новосибирских исследователей были, конечно, и так очевидны: сельские жители «бежали» в города, прежде всего в результате значительного отставания уровня социального развития села. В последующих исследованиях миграции Заславской и ее коллег обосновывалась необходимость преодоления различий в социально-экономическом положении селян и горожан, создания качественно отличной, но равноценной и привлекательной по сравнению с городами сельской жизни населения (см. [Троцук, 2013]). Решение этой важнейшей задачи должно было, по мнению исследователей, опираться на разработку и реализацию комплексной целевой программы социально-экономического развития села. Обоснование принципиальной структуры и направлений такой программы требовало разработки теоретико-методологических

проблем изучения села (или деревни) как целостного объекта управления. Решение этих проблем – содержание следующего этапа исследования.

Село как социально-экономическая система

В советское время тематика социальных исследований вольно или невольно часто встраивалась в текущие пятилетние планы развития народного хозяйства страны. Общие замысел и тема нового стратегического исследования коллектива Заславской “Село как социально-экономическая система” во многом коррелировался с “косыгинскими реформами. Социально-экономическое развитие села по итогам VIII (“косыгинской”) пятилетки (1966–1970 гг.) казалось в целом позитивным. За эту пятилетку производительность сельского труда возросла на 30%, а валовая продукция сельского хозяйства – на 21%. Это было время замены административно-волеуказных методов опытами управления прогрессивными преобразованиями экономических и социальных процессов.

В это время и село стало развиваться более динамично. Государственные капиталовложения в сельское хозяйство резко увеличились, стимулировались поиски роста качества и квалификации сельских кадров. При этом социальная сфера села оставалась во многом ахиллесовой пятой “косыгинских” реформ. Исход молодежи в города увеличивался. Именно в это время миграционный отток сельского населения достиг своего рекордного уровня, по крайней мере за все послевоенное время. В результате за этот период общая численность сельского населения снизилась еще на 3 млн человек (см. [Социально-демографическое...1980, с. 167–172]).

По мнению Заславской и ее коллег, ставивших тогда во главу угла вопросы системного видения развития советской деревни, “развитие взаимосвязанных элементов села как социально-экономической системы оказалось несбалансированным. Более того, меры по совершенствованию одних элементов системы стали неожиданно отзываться срывами в развитии других ее элементов. Например, ускоренное развитие производственного строительства при отставании жилищного и культурно-бытового, несмотря на связанное с ним улучшение условий труда, не уменьшило общую неудовлетворенность сельского населения комплексом своих жизненных условий” [Заславская, 2007, с. 186].

Именно поэтому в начале 1970-х гг. коллектив Заславской параллельно с исследованиями миграции сельского населения принялся за системное изучение деревни как целостной системы, на основе которой предлагалась разработка многовариантного и долгосрочного прогноза развития села в зависимости от политики государственного управления. При этом осуществлялась оценка экономической и социальной эффективности альтернативных вариантов сельского развития. К началу 1970-х гг. отдельные направления экономического, социального и демографического развития села были исследованы уже достаточно широко. Но подобного рода работы осуществлялись весьма разобщенно специалистами разных дисциплин: экономистами, демографами, географами, социологами. В связи с этим научные прогнозы развития села часто оказывались несопоставимыми. И именно Заславская тогда поставила задачу объединения усилий ученых разных специальностей для изучения сельской жизни как целостной системной модели.

В 1970-е гг. системный подход в мире и в СССР был чрезвычайно моден и многообещающ, но, как отмечала Заславская, “практического опыта системного подхода в эмпирических исследованиях сложных социальных объектов в советской науке еще не было” [Заславская, 2007, с. 187]. Тем интереснее и важнее становилась задача разработки теоретической концепции села как целостной социально-экономической системы. Для этого был выбран ряд основных объектов для конкретных эмпирических исследований:

– механизм демографического воспроизводства сельского населения;

- закономерности совершенствования материально-технической базы сельского хозяйства;
- развитие социально-бытовой инфраструктуры села;
- обмен опытом деятельности между сельскими функциональными подсистемами (см. [Методология...1980]).

Впрочем, вскоре данное исследование и на теоретическом, и на эмпирическом уровне столкнулось с нарастанием проблем, зачастую противоположных среди многообразных сельских территорий страны. Как отмечала Заславская, “в одних районах село испытывало недостаток рабочей силы и нуждалось в притоке кадров, а в других наблюдалась неполная занятость населения в течение года, не хватало мест работы для женщин. В одних зонах уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства населения, в других же вел к чрезмерно быстрому росту последнего, опережающему развитие рабочих мест и социальной инфраструктуры. В одних районах уровень образования сельских кадров был недостаточен для эффективного использования техники, в других квалифицированные работники были вынуждены заниматься простым ручным трудом и т.д.” [Заславская, 2007, с. 188].

Село как социально-экономическую систему невозможно было изучать в разреженно абстрактном пространстве, следовало учитывать и многоплановую реальность конкретных *территориальных* аспектов сельской жизни. Заславская и ее коллеги обращаются к изучению особенностей территориально дифференцированной социальной политики, без которой невозможно понять и эффективно согласовать социально-экономическое развитие всех системных элементов села. С середины 1970-х гг. новосибирские социологи концентрируют усилия на изучении социально-территориальной структуры села и в особенности в Западной Сибири.

Социально-территориальная структура села

Итоги IX пятилетки (1971–1975 гг.) были “в целом удовлетворительными”, то есть более скромными по сравнению с фактически завершившимся косыгинским периодом реформ. Валовая продукция колхозов и совхозов за данный период возросла на 17%, но при этом продукция личного подсобного хозяйства уменьшилась на 2%. Рост в целом сельскохозяйственной отрасли увеличился на 13%, но явно был меньше запланированных 20–22%. Производительность аграрного труда возрастала, но темпы роста оказывались также существенно ниже, чем в VIII пятилетке. А в результате достигнутый сельскохозяйственный рост едва был достаточен для обеспечения населения продовольствием, еле-еле компенсировал дополнительный спрос на продовольствие в связи со значительным ростом численности городского населения и его потребностей.

Отчетливо стала проявляться дифференциация территориальных различий сельского развития. Как отмечала Заславская, уже в 1970 г. в группах областей и краев страны с наименее и наиболее освоенными территориями плотность сельского населения различалась в 500 раз, густота сети городов – более чем в 100 раз, среднее расстояние между соседними селами – в 4 раза, доля сельского населения между селами – в 4 раза, доля сельского населения, проживающего в зоне двухчасовой доступности областного центра, – в 7 раз [Заславская, 2007, с. 189]. Таким образом, в IX пятилетке территориальная дифференциация в развитии села неуклонно возрастала, проявляясь прежде всего в неравномерном размещении и развитии сельской социальной и культурной инфраструктуры.

Особенно драматично усиление территориальных различий обозначилось из-за популярной в то время социально-экономической политики разделения сел и деревень на категории – “перспективные”, “ограниченного развития” и “неперспективные” – с концентрацией культурно-бытового развития исключительно в “перспективных” селах. Все это, конечно, сопровождалось добровольно-принудительным исходом населения прежде всего “неперспективных” деревень в города, что нанесло непоправимый

ущерб не только сельскохозяйственному производству, но и сельскому образу жизни в целом¹.

В таких условиях научный коллектив Заславской ставит перед собой следующие задачи:

- комплексно изучить существующую дифференциацию условий жизни сельского населения;
- выяснить зависимость этой дифференциации от природных, экономических, социальных, национальных и других объективных условий;
- раскрыть связи между различными социально-экономическими характеристиками сельских территориальных общностей разного уровня;
- разработать общие методологические принципы планомерного управления социальным развитием села с учетом территориальных различий;
- использовать эти принципы для разработки рекомендаций по управлению социальным развитием села.

Итак, для создания комплексной картины динамики сельских различий общую системную концепцию села необходимо было дополнить теоретическим видением его территориального устройства. Для этого и формировалась концепция социально-территориальной структуры села как обобщенного отражения особенностей социального положения сельских территориальных групп.

Результатом данного исследования стало выяснение того, что различия в уровне и характере структурных элементов внутри села оказались даже более резкими, чем различия между селом и городом. При этом крупные элементы социально-территориальной структуры села также были качественно разнородными и требовали дифференцированных методов управления. В работах коллектива Заславской было обосновано разделение сельской территории СССР на зоны, различающиеся содержанием жизненно важных для них проблем; проанализированы специфически актуальные проблемы каждой из зон; определены устойчивые границы “проблемных зон” за 10–20-летний периоды, а для Западно-Сибирского региона такая работа была осуществлена даже на уровне сельских административных районов [Социально-демографическое... 1980].

В итоге это крупномасштабное исследование Заславской продемонстрировало, что «процесс социально-экономического развития села, его сближения с городом не является результатом “суммирования” прогрессивного развития всех типов территориальных общностей. На самом деле он представляет собой “равнодействующую” разнонаправленных и противоречивых тенденций, частично усиливающих и поддерживающих, а частично уравнивающих друг друга. Это относится к развитию как отдельных сторон жизнедеятельности сельского населения, так и различных зон страны, типов районов и поселений» [Заславская, 2007, с. 192]. Полученное таким образом знание социально-территориальной структуры села позволяло достаточно точно и объективно определять состав территориальных общностей (районов и поселений) для сбалансированного планирования сельского экономического и социального развития СССР.

В конце IX пятилетки общее снижение темпов роста эффективности АПК отрицательно сказалось и на социально-бытовом положении села в целом. В результате аграрно-экономических трудностей все менее актуальным становилось изучение рациональных способов распределения средств на социальное развитие села с учетом отраслевых и территориальных различий. Теперь во главу угла в советской политике и науке ставились проблемы повышения эффективности именно производственной сферы села, поиск путей технико-экономического прогресса в сельской экономике. Для социологов Заславской это знаменовало переход к новому этапу

¹ В годы перестройки идеологическими противниками Заславской были инспирированы измышления о ее причастности к проектам сселения “неперспективных деревень” и чуть ли не в личном руководстве данными проектами (анализ истории политической борьбы вокруг концепции “неперспективных деревень” и борьбы за честное имя Заславской см. [Никулин, 2014]).

аграрно-социологических исследований, связанных с изучением особенностей мотиваций и поведения работников сельского хозяйства.

Экономическое поведение работников АПК

Конец 1970-х – начало 1980-х гг. в памяти многих сельских жителей остается чуть ли не “золотым веком”. В этот позднебрежневский период прогресс в сельской жизни, как материальный, так и технический достиг, пожалуй, максимального уровня, в особенности в сравнении со сталинскими и хрущевскими временами. Но именно в это время на селе стали наблюдаться и явные признаки социально-экономического застоя. Например, за последнюю брежневскую пятилетку валовая продукция сельского хозяйства увеличилась лишь на 9%, а производительность труда возросла только на 14% [Народное... 1984, с. 211, 301]. В итоге прирост фондовооруженности сельскохозяйственного труда через повышение его производительности в X пятилетке (1976–1980 гг.) снизился до 0,27% в сравнении с 0,6% в IX пятилетке. Это, безусловно, свидетельствовало об усилении аграрного застоя на рубеже 1970–1980-х гг. И тогда майский Пленум ЦК КПСС 1982 г. утвердил общегосударственную Продовольственную программу СССР на период до 1990 г., нацеленную на преодоление замедления темпов аграрного роста, выполнение планов сбалансированного производства сельскохозяйственной продукции, преодоление дефицита продуктов. Было признано, что развитие АПК, конечно, зависит от особенностей человеческого фактора в советской экономике.

Здесь надо отметить, что еще в 1973–1978 гг. под руководством Заславской была построена математическая модель социально-экономического развития села, в которой учитывалась зависимость развития социальной инфраструктуры села и личных доходов сельского населения от экономических показателей сельскохозяйственного производства. Использование этой модели показывало, что при стабильном и даже немного снижающемся росте технической вооруженности труда возможно даже *удвоить* рост производительности труда в сельском хозяйстве по сравнению с уровнем IX и X пятилеток. В реальности этого нельзя было добиться без учета человеческого фактора. С усложнением современных аграрных технологий, а также с ростом образования и благосостояния сельских жителей, с уходом в прошлое сталинских методов руководства эффективно управлять поведением работников колхозов и совхозов в забюрократизированной советской экономике становилось непросто. Конец 1970–начало 1980-х гг. в советской экономике – годы явного ослабления трудовой и плановой дисциплины, текучести кадров, частых поломок и простоев техники, бесхозяйственности в использовании сырья, материалов, энергии.

Как отмечала Заславская, именно тогда возросло внимание к социальным факторам производства, требовавшее нового осмысления самих этих факторов, таких, например, как: типичные способы экономического поведения работников в разных социальных и производственных ситуациях или влияние интересов и поведения работников на результаты экономического аграрного развития. Для решения подобного рода задач открывалось новое поле исследований. Теперь целями команды Заславской стали “теоретический поиск, научное обоснование и практическая проверка путей повышения эффективности производства за счет мобилизации социальных ресурсов” [Заславская, 2007, с. 196].

Ученые обнаружили, что банальная “просветительская” гипотеза, согласно которой более образованные, находящиеся в лучших условиях труда работники “автоматически” покажут лучшие результаты труда, далеко не очевидна. Заславская и ее коллеги принялись исследовать экономическое поведение сельских тружеников как опосредствующий фактор условий труда и его результативности. Работа в новом направлении началась с формирования концепции экономического поведения общественных групп в условиях социализма. Здесь определялось соотношение понятий “экономическое поведение” и “экономическая деятельность”, выделялись виды поведения, оказывающие

влияние на производство, анализировались объективные и субъективные факторы экономического поведения социальных групп, обнаруживалась взаимозависимость поведения и хозяйственного механизма управления экономикой, укорененного в самой социальной структуре общества [Заславская, 1980].

Эти теоретические искания должны были привести к осмыслению эффективных путей управления человеческим фактором производства, они сопровождались социологическими опросами об условиях деятельности, содержании и мотивации поведения работников сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, осуществлялись социально-экономические эксперименты в колхозах и совхозах, направленные на проверку разрабатываемых теоретических гипотез.

Результаты социологических исследований убедительно показали: значительная часть сельских работников, а также руководителей и главных специалистов агропредприятий работают далеко не в полную силу, что свидетельствовало о фатальном отставании методов управления хозяйством от уровня развития его производительных сил. Заславская и ее коллеги поставили вопрос о фактическом отсутствии “обратной связи” между результатами работы советских тружеников и их социально-экономическим положением, а также отсутствии экономической ответственности работников за результаты собственного труда².

Чрезвычайно интересными оказались результаты социально-экономического эксперимента в колхозе “Путь к коммунизму” Алтайского края, осуществленного под руководством В. Смирнова – одного из сотрудников Заславской [Смирнов, 1985]. Подводя итоги смирновского эксперимента, Заславская отмечает: “За три года работы в экспериментальных условиях (1981–1984) колхоз без какой-либо помощи извне превратился в экономически крепкое хозяйство. Валовая продукция сельского хозяйства возросла на 58%, а валовой доход – в 4 раза (с 709 тыс. до 2915 тыс. руб.). Если в 1981 г. хозяйство имело 270 тыс. руб. убытка, то в 1984 г., – 1332 тыс. руб. прибыли. По оценке председателя колхоза, 50% роста экономических показателей в растениеводстве и 90% в животноводстве обусловлены внедрением новых отношений. Работая на коллективном подряде и хозрасчете, колхозники планируют и подсчитывают не только собственный заработок, но и затраты на производство продукции, ее себестоимость и рентабельность. Вместе с тем серьезное изменение экономических отношений даже внутри одного колхоза оказалось связанным с борьбой групповых интересов. Наиболее энергичная часть работников, заинтересованная трудиться в полную силу и получать высокий доход, поддержала переход на новые экономические отношения, внедрение коллективного подряда и хозрасчета. Относительно инертная же часть работников, не имеющая возможности или не желающая трудиться более интенсивно, предпочитала старые отношения и оказывала сопротивление новым” [Заславская, 2007, с. 198]. Подобные трудности испытывало и все сельское хозяйство страны. Заславская и ее коллеги предлагали в этих условиях дополнить Продовольственную программу СССР программой социальной, обеспечивающей эффективную интеграцию интересов социальных групп села.

Социальный механизм развития АПК

В начале 1980-х гг. неблагоприятные тенденции в развитии экономики еще более усугубились: упали темпы роста национального дохода, прекратился рост реальных доходов населения. И хотя, начиная с 1983 г., реализация Продовольственной программы СССР способствовала некоторому росту сельскохозяйственного производства, но такой прирост составлял около 1% в год и был сопоставим с темпами роста населения. С наступлением горбачевской перестройки значение человеческого фактора в управлении производством становится одним из основных идеологических

² Все эти положения были во многом системно развиты и представлены в 1983 г. в знаменитом “Новосибирском манифесте”.

постулатов демократических реформ, а село попадает в список главных приоритетов ускорения экономического развития.

Впрочем, первые шаги в этой области были достаточно противоречивы. Например, в 1985 г. сформирован единый орган управления агропромышленным комплексом – Госагропром СССР для гармоничного развития всех отраслей АПК. Но фактически это была окончательно забюрократизированная структура управления сельским хозяйством. В 1986 г. принимается постановление “О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны”. В нем предпринимались попытки расширить полномочия территориальных органов управления и самостоятельность колхозов и совхозов.

К этому времени школой Заславской был поставлен вопрос о социальном механизме развития аграрной экономики применительно к регионам, сельским административным районам. Предложена система индикаторов и показателей, отражающих действие этого механизма с параллельной их апробацией в эмпирическом изучении алтайских сельских регионов. Как отмечала Заславская, “по широте постановки проблемы и способности синтезировать результаты частных исследований изучение социального механизма аграрного сектора было сравнимо только с системным изучением деревни” [Заславская, 2007, с. 204].

В середине 1980-х гг. Заславская поняла, что пора от вопросов аграрной экономики переходить к анализу фундаментальных социально-экономических проблем всего советского общества. С началом перестройки Заславская из Новосибирска переезжает в Москву, полностью концентрируясь на изучении социально-политических и социально-экономических альтернатив советских, а затем и постсоветских преобразований.

В конце 1990-х гг. я в личной беседе спросил Татьяну Ивановну: почему она прекратила свои сельские исследования, несмотря на ее громадный аграрный опыт. “Какого угодно аграрного опыта недостаточно”, – последовал ответ. – “Если не имеешь возможности находиться в селе со своими исследованиями. Я, как видите, давно живу только в Москве. По-прежнему переживаю за русскую деревню, но без возможности проведения собственных полевых социологических исследований не берусь анализировать нынешнюю сельскую действительность”. Но хотя Заславская с 1990-х гг. и не занималась непосредственно аграрной проблематикой, ее исследования предшествующего периода обладают не только исторической ценностью. Фундаментальные вопросы, заложенные в них, актуальны и в настоящее время.

* * *

В чем же актуальность аграрного наследия Заславской и ее школы для современных сельских исследований России? Прежде всего надо отметить высокие нравственные критерии, которыми всю жизнь она руководствовалась в своей научной работе. Ей было присуще обостренное чувство социальной справедливости. Это очень хорошо почувствовал и выразил В. Ядов: “Думаю, что Татьяну Ивановну отличало обостренное, мучительное даже, восприятие социальной несправедливости. Это находило свое проявление и в тематике ее исследований как социального экономиста, и в гражданской позиции. Почему она инициировала экономсоциологию? Да по той причине, что следовало понять, как экономические процессы воздействуют на повседневную жизнь людей и структурные изменения в обществе с тем, чтобы ослабить многообразные детерминанты социальной несправедливости. Не экономика сельского хозяйства, но условия жизни людей в деревнях были в фокусе исследований школы Заславской...” [Ядов, 2014, с. 2–8].

Действительно, начиная с ранних работ и до конца жизни Заславская предупреждала о том, что фактическая эксплуатация городом деревни, в конце концов, фатальным образом отразится на всем советском обществе [Заславская, 1986; 1992]. Тревожные прогнозы и предчувствия Заславской сбылись – нерешенные село-городские противоречия стали одной из весомых причин распада СССР. Но и в наше

время в постсоветской России уже не в административно-командных, но в рыночно-авторитарных условиях мы наблюдаем продолжение эксплуатации села городом, при котором доходы сельских жителей, их образ жизни, уровень культуры и образования остаются низкими в сравнении с положением горожан. Культурно-экономический разрыв между городом и селом в постсоветской России не уменьшается [Вторая... 2012].

Надо, конечно, подчеркнуть и значение высоких научно-методологических критериев, которыми руководствовалась в своих исследованиях Заславская. Системность, комплексность, статистическая достоверность аграрных исследований новосибирской школы до сих пор остаются образцом и эталоном для современной аграрной науки России.

Чрезвычайно важна для современных российских условий и такая традиция школы Заславской, как стремление употребить полученные аграрные знания на благо, организовать диалог между обществом, наукой и властью в прикладных исследованиях. Именно об этом писала уже в постсоветской России давний соратник Заславской Р. Рывкина: «Если вернуться к социологии села советского периода, то надо отметить еще одну особенность – прикладную направленность. Классическим примером прикладных исследований было изучение системы сельского расселения. Активно изучались проектирование и застройка сельских населенных пунктов, в центре внимания были сельское жилье, организация личных подсобных хозяйств... Все эти темы свидетельствовали о том, что сельская социология была связана с государством, с аграрной политикой. Это заставляет задуматься над проблемой “социология и власть”» [Рывкина, 1998, с. 169].

Действительно, в современной России проблема “социология (не только аграрная) и власть” остается по-прежнему актуальной. И в наше время мы наблюдаем контрпродуктивный разрыв между знаниями ученых и компетенцией политиков. Именно этот разрыв стремилась преодолеть своими исследованиями Заславская, что специально отмечал крупнейший исследователь советской обществоведческой мысли Б. Докторов: “В начале 2000-х Т.И. говорила, что конечную цель своей работы, за исключением последних 12–15 лет, она видела не в развитии научной теории как таковой, а прежде всего в создании научной базы для совершенствования экономической, социальной и аграрной политики государства. Внутренним стимулом ее научной работы было не только развитие соответствующей области знания, но и возможность влиять на реальную жизнь общества, содействовать улучшению системы его институтов и социальной структуры. А это требовало выхода на проблемы управления и политической власти” [Докторов, 2013, с. 149–165].

К сожалению, опыт взаимодействия науки и власти в наследии Заславской во многом остается неизвестным для современных российских органов государственной власти. Так, в новейшем исследовании значения работ по сельско-городской миграции Заславской и ее школы для современной России совершенно точно отмечено, что многие прикладные разработки новосибирцев забыты и невостребованны, несмотря на всю их современную актуальность: “Грустно, что обозначенные еще в начале 1980-х годов тенденции, фундированная десятилетиями объективных социолого-статистических наблюдений типология регионов по мотивам, факторам и результатам миграции, прогнозы и рекомендации, не утратившие свою актуальность и сегодня, практически не учитываются в многочисленных федеральных программах, призванных компенсировать самыми разными мерами неспособность нынешней сельской России выполнять по определению возложенные на нее продовольственно-сырьевую, социально-пространственную и демографическую функции” [Троцук, 2013, с. 206].

В отличие от фактического забвения современным государством наследия Заславской, в российских социальных науках продолжается творческая и продуктивная разработка ее идей. Надо, безусловно, отметить, что ученики и коллеги Заславской в Новосибирске, Москве, Барнауле, Саратове и еще во многих других региональных исследовательских центрах (пусть часто и в более скромных, локальных масштабах

в сравнении с советским периодом) продолжают аграрные исследования, связанные с идейно-интеллектуальным наследием Заславской.

Прежде всего надо отметить монографию З. Калугиной и О. Фадеевой, в которой на целом ряде конкретных примеров сельской жизни проанализированы многие парадоксы постсоветских аграрных преобразований [Калугина, Фадеева, 2009]. По-прежнему, используя методологическую базу трудов Заславской, много работавшей и в Алтайском крае, социологи Барнаула проводят исследования, связанные с поведением населения на рынке труда, процессами сельско-городской миграции, вопросами социальной дифференциации и сельской бедности на Алтае [Сергиенко, 2013]. А недавно под руководством саратовского социолога В. Виноградского была написана монография, в которой проведен анализ эволюции образа жизни постсоветской деревни, определенно связанный с научными традициями школы Заславской (см. [Виноградский... 2013]). И конечно, надо особо отметить работы М. Шабановой – верного ученика и соратника Заславской. В последние годы они вместе плодотворно занимались исследованиями социальной трансформации постсоветского общества с учетом и сельской специфики [Заславская, Шабанова, 2002]. Уверен, что многоплановое аграрное наследие Заславской будет востребовано еще в большей степени по мере дальнейшего развития социальных наук и государственной политики России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.* Крестьянские жизненные практики, 1991–2012. Саратов, 2013.
- Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. М., 2012.
- Докторов Б.З.* Памяти Татьяны Ивановны Заславской: размышления о ее жизни // Социологический журнал. 2013. № 3.
- Заславская Т.И.* Избранное. В 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. М., 2007.
- Заславская Т.И.* Основные этапы исследования социально-экономического развития аграрного сектора общества // Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987.
- Заславская Т.И.* Распределение по труду в колхозах. М., 1966.
- Заславская Т.И.* Социальная справедливость: шесть лет спустя // Свободная мысль. 1992. № 1.
- Заславская Т.И.* Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13.
- Заславская Т.И.* Экономическое поведение и экономическое развитие // ЭКО. 1980. № 3.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6.
- Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ. Новосибирск, 2009.
- Кузнецова Т.Е.* Письма Татьяны Ивановны Заславской (1963–1973 гг.) // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.
- Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.
- Миграция сельского населения. М., 1970.
- Народное хозяйство СССР в 1983 году. Статистический ежегодник. М., 1984.
- Никулин А.М.* Т.И. Заславская: “Догнать?! не отстать?! не исчезнуть?!” // *Никулин А.М.* Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М., 2014.
- Рывкина Р.* Социология села // Социология в России. М., 1998.
- Сергиенко А.М.* Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ. Барнаул, 2013.
- Смирнов В.Д.* Социально-экономический эксперимент в колхозе. Новосибирск, 1985.
- Социально-демографическое развитие села. Региональный анализ. М., 1980.
- Троцук И.В.* Сельско-городская миграция советского периода в работах Т.И. Заславской // Крестьяноведение: теория, история, современность. 2013. Вып. 8. М., 2013.
- Ядов В.А.* Нам одно остается: честно делать свое дело // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 2.